

Алые кроссовки шаркают по твердому бетону, потёртые туфли прочно обосновались на территории U.A. Под подошвами - беспорядочное конфетти из лепестков, оставшееся после вступительных экзаменов в школу. Он стоит под цветущей сакурой до тех пор, пока не подул более сильный ветерок, взъерошивая его зеленые кудри и срывая новые венчики сакуры. Вибрирующий взгляд Идзуку Мидории мерцает под сиянием лососевого неба, когда на него сыплются лепестки сакуры.

Некоторые из них попадают на его футболку, и их мягкое падение внезапно прекращается. Это один из запасных предметов одежды, которые мать заставила его упаковать в льняной ранец, перекинутый через плечо на одной лямке. Идзуку крепче сжимает ремешок, вспоминая причину, по которой ему понадобился еще один комплект одежды: на ум приходит его трансформация во время физической части экзамена в школе героев, когда его причудливая способность разорвала в клочья его первую одежду.

Небрежный пучок волос на макушке мальчика колыхнется, когда он пытается выкинуть из головы воспоминания о своей метаморфозе. Это помогает ему забыться, когда его зеленый взгляд останавливается на знакомом автомобиле, медленно подъезжающем к воротам школы. Мягкая улыбка растягивает его веснушчатые щеки, и он начинает идти к машине. Из выхлопной трубы Nissan Versa валит дым, гул двигателя напоминает Идзуку о знакомом звуке и заставляет его сдерживать улыбку. Он проводит рукой по левой стороне груди, ощущая под рубашкой провод. Как только Идзуку подходит к машине, он вновь и вновь погружается в самоанализ и успокаивается.

Инко Мидория выходит из машины, чтобы поприветствовать сына у ворот школы, на лице ее виднелось беспокойство. Мать-медведица спешит к своему ребенку, обнимая его так, что "мама-медведица" обретает и медвежью хватку. Идзуку хрипит, задыхаясь, его легкие сдавлены, пока он находится в ее объятиях. "Мой малыш! Они сказали мне, что случилось! Ты в порядке?!" - иронизирует она, беспокоясь о его самочувствии, хотя сама является причиной его затруднения дыхания.

Освободившись от ее объятий, Идзуку, наконец, удастся вдохнуть достаточно кислорода, чтобы заговорить. "Я... я в порядке, мама. Восстановительница сказала, что я в порядке", - он встает прямо, чтобы показать ей, что он полностью цел, как будто это доказательство его хорошего здоровья. Она критически осматривает его с ног до головы, ища шрамы и царапины. Когда Инко, похоже, удовлетворилась своим диагнозом, она кивнула.

"Как скажешь...", хотя она по-прежнему настороженно относится к окончательному вердикту. Она отходит в сторону, чтобы Идзуку мог забросить свою сумку в багажник. Обойдя решетку радиатора и вернувшись на водительское место, Мама-медведица украдкой бросает взгляд на престижную школу для героев, в которую поступил ее сын. "Ты познакомился с Восстановительницей, да? Жаль, что не при лучших обстоятельствах, но, наверное, это было здорово", - улыбается она, думая о том, как, должно быть, обрадовался герой-отаку встрече с одним из своих кумиров.

Идзуку забирается на пассажирское сиденье, наслаждаясь тем, какая мягкая подушка, ловит его тело которое опускается на сиденье. Хлопок дверцы выбивает из его памяти воспоминания о насыщенном событиями дне, и он подражает ее улыбке: "Да! И Суций Мик читал нам все правила, а Цементос был нашим проверяющим на письменной части..."

"Это здорово, Идзуку, но...", - прерывает Инко своего сына и буквально указывает ему на отсутствие страховочного ремня, жестикулируя указательным пальцем. Когда он опускает взгляд на свои колени, она притворяется, что прочищает горло, а затем поправляет его, показывая вперед: "Ремень безопасности".

Идзуку заставляет себя сесть прямо, ухватившись за застежку-клипсу ремня, чтобы потянуть его вниз. "О! Точно!", - он начинает натягивать леску, чтобы она сработала. Как только она достигает груди, он со щелчком фиксирует ее на месте. "Извини", - извиняющимся тоном произносит он матери, после чего снова устраивается поудобнее.

"Ну что, ты рассказывал мне о своем дне?" - Инко застегивает ремень безопасности, а затем поворачивает ключ в замке зажигания, чтобы включить двигатель. Она бросает быстрый взгляд на сына, чтобы дать ему понять, что все еще слушает его, и включает передачу.

Идзуку практически подпрыгивает на месте от волнения, когда ему напоминают о том, как он побывал в U.A. "О, да!", - вспоминает он, как поражает воображение огромный комплекс, в котором есть не только театральный зал главного здания, но и целый макет города, созданный школой специально для экзамена по физике. Он продолжает рассказывать свои воспоминания о проведенном там времени: "Последний раз я встретился с Восстановительницей после того, как помог спасти девушку, которая была..."

"ДЕВУШКУ?!", - он не ожидает, что его мать резко затормозит. Машина останавливается еще до того, как начинает двигаться, ремень безопасности затягивается, чтобы удержать его на месте и не вылететь через лобовое стекло.

Идзуку вдруг очень благодарен маме за то, что она велела ему пристегнуться. Испугавшись внезапной остановки машины, он смотрит на водителя широкими глазами. "МАМА!?", - так он выразил свою смесь шока и растерянности, когда увидел, что она рыдает.

"Прости, прости!", - дрожащим голосом извиняется Инко, пытаясь вытереть слезы тыльной стороной ладони. Она фыркает, из носа у нее текут сопли, плач переходит в истерику. Идзуку по собственному опыту знает, что вот-вот Материны слезы зальют машину и утопят его, как прорвавшаяся плотина. Она с трудом выговаривает слова: "Просто..."

Инко мутным зрением наблюдает, как ее сын судорожно ищет в бардачке коробку с салфетками. Когда Идзуку не находит ничего, чтобы вытереть слезы, его паника усиливается, и он судорожно хватается за ручку двери. Поняв, что блокировка от детей на месте, ему остается только умолять ее не превращать машину в смертельную ловушку: "О нет, мама, не надо..."

"Мой маленький Зузу растет!", но ее вопль похож на сигнал тревоги, предупреждающий всех на корабле о том, что судно тонет. Нечем заткнуть течь, и вода начинает заполнять салон автомобиля. Бредовые рыдания Инко угрожают жизни обоим, пока ему не удастся опустить окно. В последнюю секунду он спасает их из затопленного замкнутого пространства.

"МАММ!", - в изнеможении простонал Идзуку. От усталости он становится вялым, его тело

сползает на сиденье. Он встряхивает голову, собрав все силы для движения: "Все не так! После того как я спас ее, я потерял сознание".

Инко приостанавливает свое драматическое сопение, носовые пазухи внезапно прочищаются. У нее возникает что-то вроде обратной реакции, прежде чем она делает двойной дубль. "Погоди, эта девушка тебя не поблагодарила?", - одна бровь у нее приподнялась, и тон изменился.

Идзуку ерзает на месте, под тяжелым взглядом матери ему вдруг начинает казаться, что за ним пристально наблюдают под микроскопом. Он избегает ее пристального взгляда, пытаясь придумать ответ, который бы уберег и его самого, и девушку, которую он спас, от маминой "рубки": "Ну..."

"Ты хочешь сказать, что даже не узнал ее имени?!", - навязчивый выпад Инко испугал Идзуку так же сильно, как и то, что она хлопнула по тормозам машины. Видя, что мать снова готова расплакаться, хотя и по другой причине, из-за общения сына с девушкой, он поспешил накричать на нее.

"Мама, дай мне закончить то, что я говорю?!", - он старается не выдавать отчаяния, но его просьба все равно выливается в плач. Внезапный крик настолько удивляет Инко, что ей удается вырваться из своего бредового состояния.

"Ты прав, ты прав", - кивает она, осознавая, насколько безумно она себя вела. Инко переключает машину на заднюю передачу, зеркально повторяя, что ее сознание приходит в норму. Выехав вперед, она просит сына объяснить дальше: "Извини, Идзуку. Продолжай."

Идзуку замешкался, отчасти потому, что не ожидал, что она позволит ему до говорить, а отчасти из-за следующей части его рассказа. "Мой...", - он беспокойно возится со шнуром под рубашкой. Когда он, наконец, находит нужное слово: "Моя причуда", он успокаивает свои нервы настолько, чтобы сказать: "Я потерял сознание только потому, что превысил время работы с бензопилой, когда использовал ее".

Инко застывает на своем месте. Как только она это делает, она пытается скрыть свое недовольство, делая вид, что сутулится. "А... понятно", - тщательно обдумывает она свой ответ. Она знает, что сын внимательно наблюдает за ней, так же как и слушает. Внутренне женщина не знает, испытывать ли ей облегчение или нет. Она не уверена, что подумала, когда услышала, что ее сын кого-то спас, но использование его причуды по какой-то причине не пришло ей на ум. В конце концов, ее мальчик сделал свой выбор, и ей предстоит поддержать его, если он решит отстаивать его ради правого дела. "Ты принял правильное решение, Идзуку. Никогда не сомневайся в этом", - она бросила на него быстрый взгляд, чтобы он понял, что этот вопрос достаточно важен для нее, чтобы она рискнула на мгновение отвлечься от дороги.

Идзуку смотрит в сторону, его взгляд отрывается от нее и падает на колени. "Я просто... Переместился сам по себе", - его пальцы загибаются вокруг ткани шорт, пока в ладонях не остаются горсти материала. Все, что он чувствует, переносится на его грудь. Он поднимает одну руку и кладет ладонь на грудину, где находится провод. "Я не думал... Я просто потянул за провод", - он чувствует биение сердца, как будто оно все еще активно.

Инко останавливается на красный свет и, воспользовавшись случаем, смотрит на сына, оценивая его выражение лица. Если бы материнского инстинкта было недостаточно, она бы увидела своими ясными, как день, освещенными солнечными лучами глазами, что он о многом думает. "Знаешь, Идзуку, я понимаю, что в определенном возрасте дети перестают заботиться о родителях. Но все же не вежливо не спросить маму о том, как прошел ее день", - считает она и решает, что лучше всего сменить тему.

Идзуку, заметив резкую смену темы разговора, не догадывается о ее стратегии, принимая смену темы за оживление маминого настроения. "А! Извини, мам!", - заикаясь, извиняется он и неловко выдавливает из себя фальшивую усмешку: "Ну... Как прошел твой день?".

Инко закатывает глаза на драматизм сына, не понимая, что он подражает ей. Она знает, что лучше не утомлять его подробностями о том, как она все утро стирала и убиралась в доме. Поэтому она решает, что сейчас самое подходящее время рассказать о ситуации с ужином: "Ну... У меня не было возможности начать готовить ужин, так как в это время позвонили из школы", - отмечает она периферийным зрением удивленную реакцию сына. "Может быть, ты хочешь купить что-нибудь в магазине?" - и поворачивает руль, чтобы направиться в центр города.

Идзуку моргает, переваривая полученную информацию в сочетании с ее вопросом. "О, эм...", - на мгновение его мозг перехватывает слова, и тут его осеняет великое озарение: "О! Можно мне взять один из этих готовых кацудонов?!"

Инко бросает на сына злобный взгляд через отражение зеркала заднего вида. "Ты же знаешь, что они не полезны для здоровья", - хотя ее раздраженный тон не вполне соответствует ее выражению лица в смысле серьезности.

Но Идзуку все равно принимает это всерьез: "Ну давай же, пожалуйста!" - настолько серьезно, что он складывает руки в умоляющем жесте, сопровождающем его нытье.

Инко с трудом сдерживает смех над его нелепым поведением: "Ладно!" - и поддается на умоляющие щенячьи глазки, которые не изменились с тех пор, как он был маленьким. "Но только потому, что это особый случай", - его победная улыбка заразительна, и она думает, что его настроение поднялось достаточно высоко, чтобы вернуться к теме U.A.: "Как ты думаешь, насколько хорошо ты справился с экзаменом?"

"О... я...", но она передумывает, услышав, что он колеблется. Она опасается худшего, пока он не говорит: "Я не уверен", - и почесывает затылок, словно пытаясь найти ответ в густых завитках волос: "Думаю, мы это узнаем".

Она бросает на него косой взгляд, видя, что он увлекся наблюдением за проносящимися за окном машинами. "Я имею в виду, что у тебя должно быть хоть какое-то представление о том, как ты поступишь", - испытывает она свою удачу, пытаясь выведать побольше, вдруг он по какой-то причине пытается удержать ответ.

"Хорошо, наверное", - но его настроение продолжает падать, чем больше она настаивает:

"Наверное, так же, как и у всех остальных". Он безразлично пожимает плечами, а затем тянется к регулятору громкости на главном устройстве системы: "Мы можем включить радио? Скоро начнется подкаст Сущего Мика".

Инко открывает рот, чтобы сказать что-то еще, но так же быстро закрывает его. Ее сын уже сделал звук слишком громким, чтобы они могли продолжать разговор. Поэтому она соглашается и шепчет скорее для себя: "Да... Хорошо... Конечно..."

Подобно непрерывному вращению шин автомобиля, сознание Инко делает петли, пытаясь понять, почему ее ребенок стал таким унылым. Пологий подъем и спуск дороги под машиной мало успокаивает ее, когда она предается размышлениям. Она надеется, что Сущий Мик упомянет о вступительных экзаменах в университет, но с другой стороны понимает, что радио ей нужно не меньше, чем Идзуку, чтобы отвлечься. Подкаст героя обычно состоит из шуток, которые хорошо снимают напряжение. Учитывая, что ее все больше раздражает то, что многие выезжают на ее полосу без сигналов поворота, Инко считает, что ей не помешает пара острот.

"Вчера я поймал зловещего злодея "Медведя-бомбардировщика" и не мог не подумать...", - доносится по радио голос Сущего Мика, и уже одно упоминание о работе героя вызывает интерес у Идзуку. Инко тоже внимательно слушает, интрига берет верх, а прошлый опыт прослушивания подкастов заставляет ее ожидать развязки. "Как вы называете медведя без ушей? ...Б!", - шутка сначала приземляется не очень удачно, но, поняв юмор, Инко и Идзуку начинают завывать от смеха.

Инко благодарна за дурацкую шутку, ее стресс ослабел. Внезапно экзамены и причуды кажутся не такими уж большими проблемами, как это было вначале. Если ее сын, который находится в непосредственной близости от нее, уже забыл об этих проблемах, то и она может забыть о них, если не ради него, то ради себя самой. Вместо этого Инко сосредотачивается на своей первоочередной задаче - быть матерью, а значит, кормить своего мальчика. Женщина сворачивает на парковку бакалейной лавки с мыслью, что они смогут быстро забежать внутрь. В такое время ей трудно найти свободное место, поэтому она останавливается рядом с парадным входом.

"Я буду за тобой, если кто-то освободит место, но подожди здесь, если закончишь первым", - Инко перегнулась через подголовник кресла, чтобы взять фиолетовую сумочку, которую она держит на заднем сиденье. В ее кошельке как раз достаточно йен, чтобы позволить себе замороженную еду. "Подойди к кассе и купи только катсудон. Никаких конфет и лакомств, молодой человек", - мама мальчика держит деньги в недоступном для него месте, пока не закончит давать ему указания. Как только он перестает закатывать глаза и кивает в знак согласия с ее правилами, только тогда она разрешает ему взять деньги.

"А ты?", - он останавливается на полпути к выходу и оглядывается, когда понимает, что мама не попросила ничего для себя. Иена, которую мальчик держит в руках, вдруг становится легкой в его очень тяжелой руке.

Инко с улыбкой закрывает глаза, скрывая досаду от того, что не может ничего себе позволить. "Я буду есть только остатки, милый", - пытается она вытолкнуть его из машины, пока он не успел разглядеть досаду, - "А теперь поторопись".

Выходя из машины, Идзуку отворачивает лицо, скрывая от нее скорбное выражение. Он видел просроченные счета, сваленные на кухонном столе, и знал, что чеки его отца больше не покрывают их финансы. Он прекрасно осведомлен о ее денежных проблемах. Но его мать об этом не знает. Он знает, что лучше ничего ей не говорить, чтобы избавить ее от позора. И все же он чувствует себя виноватым, когда идет тратить ее с трудом заработанные иены на себя.

Пошлепывая по кафельному полу магазина стоптанными кроссовками, Идзуку начинает взвешивать свои возможности с деньгами в руках. Мальчик прикидывает, что у него может остаться немного иен, если он купит то, что подешевле. В продуктовых магазинах иногда хранятся продукты с истекающим сроком годности, и цены на них снижены. В каждом проходе, который он проходит, есть что-то свое. Здесь есть фрукты, овощи, хлеб, консервы, и, наконец, в конце он добирается до уцененных запасов. Полки с различными блюдами, которые можно приготовить в микроволновой печи, дают ему возможность выбора.

Идзуку повезло, и он вздохнул с облегчением, когда нашел коробку с кацудоном. Вот только когда мальчик тянется за ней, чья-то рука натывается на его руку. Увидев ногти, покрашенные фиолетовым лаком, он понимает, что это мягкая, но твердая женская рука. Отдернув руку, словно пальцы девушки были клыками змеи, пытавшейся его укусить, Идзуку вскрикивает от досады. Он чувствует, как его лицо раскаляется от смущения и становится таким же ярко-красным, как его ботинки.

Легкий случай гинофобии у мальчика проявляется, когда он видит девочек. Рука, коснувшаяся его руки, соединена со светлокожей дамой, которая, должно быть, одного с ним возраста. Она настолько миниатюрна, что это даже мило, ее фиолетовые волосы коротко подстрижены, под ее рост, и он не может не быть очарован ее треугольным разрезом глаз. Что его действительно поражает в этой девушке, так это то, что кабели свисают с ее мочек, как серьги. Он кладет руку на грудь, чувствуя, как от его тела отходит собственный кабель, и ощущая в этом странном чувстве родственную душу; он также чувствует быстрый ритм своего сердца, пытающегося не взорваться от одновременного перекачивания такого количества крови.

Что касается реакции девушки на случайный контакт, то ее первоначальный инстинкт - извиниться за то, что она так сильно его напугала. Однако, увидев, как выглядит парень, она тоже испытывает сильнейший шок. Она узнает его, он был на вступительном экзамене и, не успев остановиться, восклицает: "Мальчик с бензопилой?! Рука, ранее выпускающая бензопилу, закрывает ей рот, чтобы заглушить уже вырвавшиеся слова. Ее собственный румянец, хотя и не такой сильный, как у Идзуку, переходит в розовый оттенок на ее щеках.

Идзуку прослезился, услышав, как она обратилась к нему. "Подождите...", - он дважды перевел взгляд на нее, прежде чем убедиться, что правильно расслышал ее слова, - "Как вы меня называли?"

И эта его реакция только еще больше смутила девушку, ее румянец потемнел. Нехотя, из-за ее руки доносится приглушенный шепот: "Мальчик с бензопилой...". После секундного замешательства, когда оба не могли понять друг друга, девушка кланяется и кричит: "Простите!". Идзуку подпрыгивает на месте, испугавшись ее во второй раз. Она вздрагивает, прежде чем понизить голос: "Это не твое имя", и продолжает неуверенно говорить: "...не так ли?"

Идзуку стоит, ошарашенно глядя на нее, как дурак, и еще несколько раз моргает, чтобы убедиться, что девушка реальна и что все это происходит на самом деле. Когда он понимает, что постепенно нарастающее молчание между ними становится неловким, он качает головой, чтобы одновременно ответить на ее вопрос и разинуть рот. "Нет, это не так", - слабый смешок вырвался сам собой, прежде чем он представился с небольшим поклоном: "Я Идзуку Мидория".

"А я Киока Джироу", - отвечает девушка, смеясь. Теперь, когда странное напряжение между ними спало, она немного расслабилась. Извините еще раз за то, что вы напугали меня своим "мальчиком с бензопилой", - Киока покрутила одним из проводков, наматывая его на палец, как обычно играют с волосами.

"Нет, нет! Все в порядке!", - Идзуку отмахивается от ее извинений каждой из своих бешено хлопающих рук. Но все равно задерживается на этом вопросе, нервно потирая затылок и вслух задавая вопрос: "Просто... Откуда ты знаешь...?"

Киока поднимает бровь, когда он не заканчивает фразу. "Про бензопилы?" - пытается закончить она, когда понимает, что он не собирается говорить дальше. Он смущенно кивает в ответ. "Чувак, мы были на одном полигоне во время вступительных экзаменов в академию. Это было буквально сегодня. Ты меня не заметил?", - она опустила руки на свои заметно изогнутые бедра, и Идзуку не мог не проследить за этим движением глазами.

"Не знаю, как я мог тебя не заметить...", - его рот сам собой двигается, передавая его мысли. После этого он понимает, что непристойно вцепился в нее глазами, и переводит взгляд на потолок, пытаясь скрыть следы. Помидорный румянец возвращается в полном объеме.

К счастью для него, Киока неверно истолковывает его ответ как обычный. "Ну, ты же был очень занят тем, что уничтожил робота и спас ту девушку", - вспоминает она его спасение без рубашки и краснеет, вспоминая свои собственные полузапретные мысли.

"Да на моем месте любой поступил бы так же", - Идзуку пытается отмахнуться от ее похвалы одной рукой, а другой смущенно проводит по кустистым зеленым волосам.

"Ты шутишь?", - недоверчиво смотрит на него Киока. "Все остальные разбежались, как трусишки", - шокирует она Идзуку своей терминологией и рвением, - "Ты единственный, кто был настолько крут, чтобы действительно стать героем, каким все мы пытаемся стать!"

Он боится, что снова упадет в обморок на ее глазах из-за того, что кровь прилила к его лицу. "О... Спасибо, наверное...", - Идзуку старается смотреть в пол, чтобы Киока не заметила наплыв эмоций, которые он испытывает. Он не привык к такой похвале, да еще и от девушки. Черт возьми, он вообще удивлен, что продержался так долго, разговаривая с девушкой.

"Кстати, у тебя все в порядке?" - вопрос Киоки вывел его из задумчивости и заставил растерянно посмотреть на нее.

"А?", - он старается не слишком сильно скривить лицо, пытаясь понять, что она имеет в виду. У

него это плохо получается.

Видя недоумение мальчика, Киока поясняет: "Я тоже была в кабинете Восстановительницы, и ты не просыпался все то время, пока я там была".

"О! ЭТО!", - глаза Идзуку чуть не выскочили из его глазниц от того, насколько велико было его прозрение. "Я в порядке. Просто перебор с причудой", - он проводит руками по лицу, как будто она до сих пор не замечала отсутствия бензопилы, пропитанной кровавым маслом. Затем он вспоминает, что она сказала, и спрашивает: "Подождите, а для чего вы там были?"

Киока вздрогнула, внезапно осознав себя так же, как и он. "О, я... У меня довольно чувствительные уши, так что...", - она застенчиво покрутила джеки, висящие на мочках, прежде чем объяснить: "Ты немного подпортил мне слух, когда устроил "Резню бензопилой" на работе".

Идзуку чувствует себя так, словно его ударили по лицу. Или, может быть, ударили ножом в грудь. И то, и другое. Он чувствует и то, и другое. Он вытягивает руки перед собой, не зная, что с ними делать. Осознав, что он просто стоит и не извинился, он наклоняется к поясу, чтобы поклониться: "О нет, мне очень жаль, я не хотел..."

"Я... Все в порядке! Я тоже теперь в порядке! Правда, все в порядке!", но Киока прерывает его, подражая двукратному взмаху руки Идзуку. "Просто имей это в виду, когда в следующий раз решишь трансформироваться", - она поморщилась при воспоминании об этом звуке, но попыталась заверить его нежной улыбкой, что все в порядке.

Идзуку поднимает на нее глаза, снова смущаясь: "В следующий раз... ?"

"Тебе не кажется, что ты достаточно хорошо справился с экзаменом, чтобы поступить?", - Киока наклоняет голову в сторону в знак взаимного непонимания. Затем она наклоняет голову вверх, думая: "Я уверена, что, по крайней мере, набрала около тридцати баллов".

Поняв, что Киока говорит о баллах, необходимых для поступления в школу героев, Идзуку огорченно опускает плечи. Он не стал рассказывать маме, почему угадывание результатов экзамена стало для него такой болезненной темой, пока они ехали в магазин, но полагал, что обсудить этот вопрос с товарищем по экзамену не помешает. "Я не... "преображался"... до самого конца...", - он неосознанно проводит рукой по ниточке, свисающей с грудины под рубашкой.

Обе брови Киоки поднимаются в удивлении и замешательстве. "Чувак, правда? Почему бы и нет?", - она делает шаг назад, пытаясь лучше оценить угнетенное состояние мальчика.

Идзуку смотрит в сторону, избегая зрительного контакта. Его пальцы перебирают шнур под тканью рубашки, пока он пытается придумать, что ей ответить. Через некоторое время он полушутя пожимает плечами и бормочет: "Не знаю..."

Видя, как ему неловко, Киока решает не лезть дальше. "Ну что ж, очень жаль", - скрестила она руки и попыталась подбодрить его: "Думаю, из тебя получился бы довольно крутой герой".

"Спасибо...", - Идзуку слабо улыбнулся, услышав ее слова. Рука, лежащая у него на груди, отпадает, повисая перед ним. "Большинство людей не говорят так о моей причуде...", - его пальцы скрючились, чтобы накрыть открытую ладонь и сформировать кулак, прежде чем он поднял взгляд, чтобы ответить на ее слова: "Но ты тоже выглядишь довольно 'роковой'".

Потрясенная тем, что мальчик использует в отношении нее ее собственную терминологию, Киока становится жесткой, как доска, выкрашенная в красный цвет. "Роковой?! Заткнись!", - ее наушники начинают крутиться вокруг друг друга, и девушка с покрасневшим лицом вынуждена бороться, чтобы не дать им запутаться.

"Ах! Прости! Я не хотела тебя обидеть!", - Идзуку начинает соответствовать своему паническому состоянию, не обращая внимания на переплетение наушников растущих из мочек ушей. Покрасневший и заикающийся мальчик прячет лицо за руками.

Видя, что он смущен не меньше, Киока избавляет его от расспросов и лести, которые ей, наконец, удается сдержать. "Тч. Неважно", - пытается она отыграть момент, протягивая ему свой мобильный телефон: "Вот."

Удивленный этим жестом, Идзуку разводит руки в стороны, чтобы разглядеть посторонний предмет. Чехол украшен музыкальными нотами и блестит. "А?", - недоуменно смотрит он на нее.

Киока трясет рукой, в которой держит телефон, призывая его продолжать. "Твой номер телефона. Введи его, чтобы мы могли продолжать общаться", - но при этом избегает встречаться с ним взглядом из-за затянувшегося смущения.

"Идзуку понимает, что она имела в виду, и забирает у нее телефон, чтобы ввести свой контакт. При этом он вводит ее номер телефона и в свой сотовый.

Пока он занят разглядыванием экранов телефонов, Киока бросает взгляд в его сторону, чтобы оценить его внешний вид. Теперь, когда мальчик не перемазан кровью и к нему вернулся цвет лица, он стал еще симпатичнее, чем раньше. А еще у него отличное чувство стиля. Киока подавила смех, когда прочитала напечатанную мелким шрифтом кандзи надпись "футболка". На самом деле это обычная белая футболка с коротким рукавом. "Хорошая рубашка", - кивком похвалила она его.

"Спасибо", - Идзуку возвращает девушке телефон и кивает в ответ, - "Мне твоя одежда тоже нравится".

Забыв о том, какой наряд она выбрала для этого дня, Киока опускает взгляд на себя, чтобы посмотреть, как она одета. Она выбрала фиолетовую футболку с жирным английским текстом, на котором желтым шрифтом написано "DEEP DOPE", но фишка в том, что буква "P" на конце переходит в стрелку, указывающую вниз, на ее промежность. Румянец, настолько сильный, что

покрывает все ее лицо, захлестывает ее. "Извращенец!", - и, схватив с полки между ними коробку с кацудоном, она поспешно удаляется. Уже заворачивая за угол, она останавливается, чтобы крикнуть через плечо: "Лучше напиши мне!".

И бедный Идзуку остается в замешательстве от неожиданной реакции девушки. Мало того, что он получил неоднозначные сигналы, так у него еще и украли ужин. Он протягивает руку, как будто хочет дотянуться до девушки и до своей еды: "Погоди... Что?!", но в конце концов поддается здравому смыслу, поскольку в том, что произошло, нет никакого смысла.

Вдруг за спиной мальчика почувствовалась жуткая аура. "Что это была за милая, добрая, красивая девушка, Идзуку?" - материализуется за его спиной его мать, казалось бы, из воздуха, чтобы Идзуку стал самым лучшим в мире прыгуном.

Идзуку кричит. "МАМА, КАК ДОЛГО ТЫ СТОИШЬ ТАМ?!", - он чувствует, что теряет сознание после сильного головокружения, вызванного тем, что она только что появилась как по волшебству.

"Достаточно долго", - ухмыляется Инко, складывая руки друг на друга. "А теперь скажи мне, как скоро я получу своих внуков, Зуку. Когда я смогу познакомиться с ней или ее родителями?", - атмосфера становится тяжелее, так как она каким-то образом увеличивает мощность своей ауры. Непреодолимая материнская сила едва не раздавила Идзуку от такого сильного давления.

Бедный мальчик почти падает на колени, его ноги подкашиваются, когда он пытается устоять на ногах в ответ на навалившуюся на него тяжесть. "Она всего лишь подруга!", - кричит он в отчаянной попытке остановить маму, чтобы она не задушила его своей аурой.

К счастью для него, попытка удастся, и плотный туман рассеивается. Он снова может дышать, жадно вдыхая воздух, наклонившись вперед и положив руки на колени. "Мой маленький Идзуку "просто" дружит с девушкой!", - восторженно визжит Инко, исполняя праздничный танец, от которого она покачивается на месте. Она совершенно не обращает внимания на страдания сына, отмечая знаменательную дату в его жизни.

Когда Идзуку, наконец, получил достаточно кислорода, чтобы снова говорить, он заставляет себя встать прямо и пытается остановить ее, чтобы она не смущала его еще больше. "Маамм!", - но, несмотря на его протесты против ее счастья, на его губах появляется улыбка. Ему тоже хочется праздновать, хотя он никогда бы в этом не признался.

Ведь Киока Джироу - его первый друг после потери Почиты.

(Напишите в комментариях как лучше

"Кёка Джироу или Киока Джироу")